

Дума про огонь

К 170-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко

«Из хроники жизни и творчества Тараса Шевченко» — такой подзаголовок дал своему литературному исследованию «Дума про огонь» ленинградский писатель Петр Жур. Его работа, посвященная 170-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко, публикуется во втором и третьем номерах журнала «Звезда». Сегодня с разрешения редакции журнала мы знакомим наших читателей с отрывками из главы «Непреклонность», в которой П. Жур рассказывает о трагической для поэта весне 1847 года, когда он был арестован по подозрению в принадлежности к антимонархическому тайному обществу, и отправлен из Киева в Петербург.

Поместили арестованного в одну из камер каземата, выходивших в недлинный коридор, замыкавшийся тяжелой дверью из продольных железных жердей, как у звериных клеток, с тяжелым замком. В скупо освещенном коридоре постоянно находились два-три «синемундирных часовых» с ружьями.

В камеру вела одностворчатая дверь, вверху застекленная и задернутая снаружи белой коленкоровой занавеской. Стены в камере были голые, выбеленные извешью. К одной из стен примыкала железная койка.

Ближе к окну стояли небольшой стол и два стула. Окно, выходившее во двор, было забрано железной решеткой.

...Несокрушимую силу духа проявил Тарас Григорьевич в застенке не только своей непреклонностью поведения на следствии. Этот неумный дух поэта-революционера проявился в цикле стихотворений, написанных в каземате. Цикл этот впоследствии поэт так и назвал: «В каземате. Союзникам моим посвящаю».

19 мая, уже после многих допросов, после очных ставок, когда судьба узников III отделения по существу уже была решена, Шевченко сквозь решетки каземата увидел во дворе мать Костомарова, бывшую украинскую крестьянку Татьяну Петровну, которая явилась к Дубельту узнать о судьбе ее сына. Она приехала в Петербург и поселилась на Моховой улице в доме Пиксеева (ныне — № 39), совсем недалеко от того дома, где впервые в Питере поселился в числе дворни П. В. Энгельгардта казачок Тарас. Мать очень долго искала сына по застенкам царской столицы, а оказалось, что он — рядом, на Фонтанке, 16, в каких-нибудь пяти минутах ходьбы.

В тот день Шевченко написал одно из самых сильных своих стихотворений цикла «В каземате» — «Н. Костомарову». Его начало воспроизводит обстановку каземата:

Играя, солнышко скрывалось
В весенних тучах золотых.
Гостей закованных своих
Тюремным чаем угощали,
Да часовых в тюрьме
Сменяли,
Синемундирных часовых.
И с дверью запертой,
С проклятой
Решеткой на моем окне
Немного свинялся я... И мне
Не вспоминались ни утраты,
Ни горечь пролитых
Когда-то
Моих кровавых, тяжких
Слез...

Шесть лет назад в каких-нибудь трех сотнях шагов от этого каземата, в доме № 16 по Гагаринской улице (ныне — Фурманова), посетив живших здесь Карамзиных, другой поэт, которого очень любил Шевченко, смотрел на такие же тучки, пробегавшие в небе над Летним садом, и написал свое грустно-элегическое стихотворение «Тучки небесные, вечные странники...» Тогда Лермонтова, так же, как спустя шесть лет Шевченко, ждала далекая и невеселая дорога в изгнание...

Разумеется, пребывание в каземате угнетало душу. Тарас Григорьевич крепился, не желая ни на йоту унизиться перед хозяевами «разбойничьего вертепа». И лишь наедине с самим собой поэт горько раздумывал о тяжелой доле милой Отчизны, народа, закованного в кандалы рабства, о своей невольничьей судьбе. «Один жандармский офицер, поручик Тельнов, сидевший весной 1847 года в III отделении под арестом, — пишет современник, — сообщил мне весной 1851 г., что он там

видел стоявшего у окна Шевченко: Тарас был одет в белый костюм, стоял грустный и чуть напевал какую-то грустную украинскую песню».

С кирилло-мефодиевцами царь, главный заплечных дел мастер в империи, расправился без суда. Дубельт и его подручные состреляли, а шеф жандармов Орлов подписал и представил Николаю I доклад, в котором предлагалась мера наказания каждому арестованному. Самую тяжкую кару жандармы готовили Шевченко, хотя и не смогли установить его принадлежность к тайному политическому обществу. Они сочли, что «по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников», и предложили отдать его рядовым в Отдельный Оренбургский корпус, поручив начальству установить за ним самый строгий надзор, с тем чтобы от него ни под каким видом не могли исходить «возмутительные» произведения. Сам опытный жандарм и палач, набивший руку на жестокой расправе с декабристами, царь усилил жестокость конфирмации еще одной изуверской мерой. Он собственноручно начертил: «Под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать».

Это было все равно что запретить человеку дышать. «Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было бы придумать, как сослав меня в Отдельный Оренбургский корпус солдатом, — писал поэт десять лет спустя, вспоминая этот страшный приговор. — Вот где причина моих невыразимых страданий. И ко всему этому мне еще запрещено рисовать. Отнять благороднейшую часть моего беленого существования. Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора...»

Август — язычник, ссылая Назона к диким гетам, не запретил писать и рисовать. А христианин Н(иколай) запретил мне то и другое. Оба палачи».

30 мая арестованным огласили конфирмацию. Поэт встретил ее спокойно и мужественно. В тот же день его отправили в распоряжение военного министра для исполнения «нечеловеческого приговора». Узники видели из окон, как Тараса Григорьевича вывели из каземата уже в солдатской шинели, а он посматривал на окна, улыбался друзьям и прощался с ними, помахивая картузом.

Сутки просидел Шевченко в арестантской комнате при инспекторском департаменте военного министерства и на следующий день был отправлен в Оренбург.

Так второе путешествие Шевченко на Украину завершилось принудительным его путешествием на солдатскую каторгу в оренбургские степи. В 1845—1847 годах, живя на Украине, повседневно общаясь с ее вольнолюбивым народом, закованным в кандалы самодержавия и крепостничества, Тарас Шевченко уже не мог ограничиваться только литературной и художественной деятельностью. Он смело включается в активную политическую борьбу как участник тайной антикрепостнической организации.

Жестоко расправившись с поэтом-революционером, царизм не мог, однако, сломить его волю к борьбе за правду и свободу. Автор пламенного «Завещания», звавшего народы восстать против деспотизма и рабства, соединиться «в семье вольной, новой», вошел навеки в заветную память человечества как непокоренный поэт-тираноборец. Замечательные слова сказал о Шевченко в пятидесятилетнюю годовщину со дня его смерти ярославский публицист А. Лебедев: «Как поэт это — Пушкин Украины, как народоловец-гражданин — это ее Радинцев».

В этом утверждении есть глубокий смысл немеркнувшего подвига поэта и гражданина — великого Кобзаря Украины, чье творчество было поистине вдохновенной думой про огонь борьбы за торжество красоты и правды на земле.

П. ЖУР